

Есть такое «невесомое» определение — обаяние актера. Юрий Каморный умеет свое человеческое обаяние переключить в обаяние образа, раскрыть то доброе, что есть в характере его героя, угадать сложные оттенки тревожного или радостного состояния его души. Тогда и возникает на экране ощущение реальной жизни.

— Юрий, а что, собственно, привело вас к мысли об актерской профессии?

— Желание прожить много человеческих судеб. И в каждой из них суметь сказать что-то свое, самое важное для сегодняшнего дня. После окончания школы в разных местах пришлось побывать. Многое повидал. Был высоковольтником, мотористом на траловом флоте, развозил почту. Одновременно учился в Институте театра, музыки и кинематографии на вечернем отделении у З. Я. Короводского. Конечно, нелегко было учиться и работать. Но как все пригодилось, когда стал актером!

Вчерашний мальчишка — сегодняшний офицер, уже успевший не только понюхать порох войны, но и стать профессиональным военным — таков герой фильма «Зоя». Вспомните последние кадры, когда Михаил вновь и вновь обходит молонну автомашин, монотонно повторяя слова команды: «Интервал двадцать — тридцать метров...». Хрупкая девушка бросается в машину, она долго-долго бежит, пока не припадет к Михаилу, в первый и последний раз целуя его... И щемящее чувство грусти по так и не состоявшейся любви охватывает нас, зрителей фильма «Зоя».

— Судьба многих ваших героев так или иначе связана с темой войны, темой мужества, стойкости и высокой человечности советских людей.

— И это не случайно. Для меня тема войны, тема поколения, еще совсем молодым встретившего войну, представляется очень важной и значительной. Показать, как в тяжких испытаниях раскрывался и мужал героический характер советского человека, раскрыть всю глубину его души — задача сложная и почетная. Мы вновь и вновь обращаемся к суровым будням войны, чтобы в многообразии драматических ситуаций отыскать сегодня утверждение принципов истинной человечности.

ЮРИЙ КАМОРНЫЙ В ТЕАТРЕ, КИНО, НА ЭСТРАДЕ

Именно поэтому мне так дороги образы моих героев из фильмов «Зоя» и «Освобождение».

— В кино, если не ошибаюсь, вы пришли из театра?

— Да. Еще будучи студентом дипломного курса, я был принят в труппу ТЮЗа. В пьесе о декабристах «Глоток свободы» я сыграл роль Михаила Бестужева. Бежать из России или открыто явиться к царю, подтвердив этим вызов, брошенный декабристами самодержавию? Такой вопрос решает мой герой, живущий в постоянном ощущении свободы, как духовной необходимости.

Каморный играет Бестужева-декабриста, раскрывая его нравственную позицию в жизни. Играет характер, наделенный особым изяществом и тонкостью русского интеллигента. Такой Бестужев иначе поступить не мог. Только разделив участь товарищей по восстанию, он остается верным самому себе, своим духовным и нравственным идеалам.



Каморный на эстраде не менее интересен, чем на сцене или экране. В выступлениях на концертной сцене ему помогают гитара и любимая двухрядная гармонь. Стихи, лирическая песня, народный фольклор звучат в его исполнении, пронизанные доброй улыбкой, насыщенные умным, глубоким содержанием.

— Выступления на эстраде для меня имеют большое значение. Здесь даже есть свои преимущества. Понимаете, не все то, что наработано, придумано в ходе репетиций, может попасть в спектакль. И вот эстрада дает возможность это использовать. Кроме того, эстрада предоставляет возможность сейчас, здесь же высказать то, что волнует тебя в данный момент. Но эстрада не только дает, она и требует. Считаю, что драматический актер обязан стремиться стать «синтетическим», например, уметь петь, танцевать. Владеть каким-либо музыкальным инструментом тоже не по-

вредит. Я знаю по себе, что артист, не чувствующий музыки, много проигрывает. Ведь порой актеру по роли требуется играть на гитаре, спеть песню под собственный аккомпанемент. И, главное, суметь все сделать самому. Без этого нельзя до конца понять и почувствовать образ. Ведь в данном случае любовь к музыке, к песне является душевным качеством твоего героя.

В последнее время Каморный сыграл несколько ролей русского, советского, зарубежного классического репертуара. Среди них — Лазерт в «Гамлете», Протей в телеспектакле «Два веронца», Конавалов в горьковском «Хозяине», Рыбаков из фильма «Кремлевские куранты» и Гайдай из драмы А. Корнейчуна «Гибель эскадры».

— Юрий, есть ли у вас любимая роль из классического репертуара?

— Есть, конечно. Это моя самая последняя работа в театре — стряпчий Сысой Псоич Рисположенский из комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся». Назначение на эту роль было для меня приятной неожиданностью. К сожалению, мне довольно редко приходилось играть роли острохарактерные, так как на меня уже был прицел, как на актера определенного амплуа. А Рисположенский у Островского фигура в высшей степени трагикомическая. Он одновременно и жалкий, и ничтожный, и подлый человек, который в результате даже вызывает у зрителя сострадание, но личность все-таки страшная; он уже раздавлен жизнью, поэтому готов на все...

Юрий Каморный — актер, хорошо известный зрителям и любимый ими. Сейчас он много снимается, часто выступает на творческих встречах, играет спонтанно в Ленинградском ТЮЗе. Хочется пожелать ему большей осмелительности при выборе материала для работы в кино. Пусть его будущие роли будут того же уровня, что Рисположенский в спектакле «Свои люди — сочтемся». Юрий Каморный обладает всем необходимым, чтобы работать интересно и разнообразно. И в этом нас убеждают его лучшие актерские создания на сцене и на экране.

Интервью вел А. ЛЮБАВИН
Фото Ю. Каменского